

*Михаил Москалев***КВАРТИРА**

Купить квартиру Федя обещал уже давно. Обещал себе, маме, папе, сестре, брату, друзьям, своим будущим детям, внукам и вообще всему мирозданию. Сумма примерно в миллион рублей была собрана и лежала на трех сберкнижках, еще столько же давали родители, а остаток под минимально возможную ставку (Федя был зарплатным клиентом, страховал свою жизнь и регистрировался электронно) выдавал на двадцать пять лет Хранбанк, недавно с помпой избавившийся от второй части своего названия и ставший Храном. Мол, не просто банк, а Хран с большой буквы. Можно и кредит взять, и за свет заплатить, и пожертвовать на войну против рептилоидов из созвездия Дракона.

Первая же просмотренная Федей квартира оказалась идеальной. Она располагалась на последнем этаже, была совсем немного изуродована временем, стоила недорого, имела балкон, окна, выходящие на запущенный палисадник, огороженный забором и, по заверениям хозяйки, глухонемых, малоподвижных соседей. Вернувшись с просмотра домой, вернее, в съемное жилище, Федя разлегся на диване и принялся ждать. Добытый через знакомых агент за умеренную плату должен был позаботиться о формальностях с банком и продавцом. Федя, не любивший хлопоты и суматоху, был счастлив. Подобрать квартиру оказалось даже легче, чем нужный размер джинсов в магазине одежды. Отделался малой кровью, словно говорил всем своим видом растянувшийся на арендованном диване Федя. Оставалось только подписать договор, раскидать немногочисленные пожитки по уже заготовленным коробкам для переезда, вызвать такси и, наконец, вальяжно вселиться в свою, давно всем обещанную собственность.

Что-то неладное Федя почувствовал недели через три, когда формальности, стоявшие на пути к обладанию квартирой, все еще не были улажены. Федя позвонил агенту и с хорошо скрываемым раздражением, очень мягко и тактично, принялся выговаривать

ему за медлительность и излишне формальное отношение к делу. В ответ услышал, что квартира, выбранная и практически уже заселенная нежным Фединым существом... снята с продажи и обратно в продажу поступать вновь не собирается. Что внезапно свихнувшаяся после вояжа на море хозяйка квартиры устроила истерику, сначала попросив за свои жалкие тридцать квадратов сумму, раза в полтора превышающую первоначальную, а потом и вовсе объявив, что квартира, как ее родовое гнездо, бесценна и не может быть передана посторонним персонажам, не связанным с ней семейными узами. Родниться с пристольными элитами не входило в планы Феде, поэтому он взял самоотвод.

Дальше все покатило под откос. Случилось то, чего так боялся Федя. Ему пришлось хлопотать. Каждый вечер, выйдя из офиса, Федя отправлялся не домой к своему благословенному, хотя и арендованному дивану (который он даже подумывал выкупить у арендодателя), а на очередной просмотр. Ему не везло. Рынок недвижимости напоминал полки гипермаркета после большой распродажи: дрянь, дрянь, никому не нужная, разноразмерная дрянь с подходящим к концу сроком годности. Соседями сверху в первой просмотренной квартире были алкаши. Вторая была так раздолбана и уделана, что даже неприхотливый Федя, не помнивший цвета обоев ни в одной из арендованных им квартир, пришел в замешательство, не говоря уже о маме, которая после просмотра присланных Федей фотографий в ультимативной форме запретила ему возвращаться в это место. В третьей квартире не было балкона, а значит, не было места для велосипеда, тоже, правда, будущего, но важного, по представлению Феде, элемента в жизни провинциала, решившего окончательно порвать регистрационные отношения с малой родиной. Четвертая квартира находилась слишком далеко от станции электрички. Путь к квартире лежал через частный сектор вдоль дороги, на которой было такое оживленное движение, что Феде несколько раз пришлось прыгивать в канавку на обочине и пережидать поток машин, стоя по щиколотку в мутной земляной жиже, защищаясь сумкой от брызг, летящих из-под колес, и все время думая о том, как бы его, уже заляпанного с ног до головы грязью, не переехали и не размазали по асфальту во время перебежки до следующего участка канавки. Кончилось тем, что слегка ошалевший Федя, так и не дойдя до квартиры, в раздраже-

нии вызвал такси и уехал обратно на станцию. В пятой квартире все было подозрительно хорошо, так что Федя почти согласился, но, выйдя из подъезда и прошагав в задумчивости метров пятьдесят, наткнулся на фабричный забор, за которым сразу три трубы выпускали в оттаявшее весеннее небо три столба дыма, напоминавшие инверсионный триколор от истребителей, пролетающих по большим праздникам над могилой Ильича.

После этого Федя потерял счет просмотрам. Каждый день ровно в четыре часа пополудни раздавался телефонный звонок, и месмерический голос агента диктовал Феде адрес, на который зомбированный Федя выезжал немедленно после окончания рабочего дня. Доехав до места, он послушно сообщал агенту о своем прибытии, терпеливо дожидался, когда его впустят в квартиру, делал попытку разуться (да что вы, что вы, не снимайте, проходите так) в прихожей, опытным взглядом окидывал потолок, открывал окна (прекрасный вид, милый дворик, гробовая тишина), сливал воду в унитазе, прикладывал руку к вентиляционной решетке в надежде почувствовать освежающее дуновение воздуха (и никогда ничего не чувствуя), проверял напор горячей воды и температуру холодной, ощупывал батареи, пытался угадать места залегания проводки под обоями и, задав дежурные вопросы про повадки соседей, цену и среднегодовое количество осадков в здешнем микрорайоне, удалялся, чтобы больше не возвращаться. В каждом жилище находилось что-то, из-за чего Федя не был готов на двадцать пять лет отдаться в мохнатые лапы Храна.

Через пару недель такой жизни Федя превратился в автомат, его можно было бы устанавливать на телефон в качестве приложения по выбору недвижимости. Федя точно знал, что делать, куда идти и на что смотреть. Он видел: видел почти невидимые трещины в стенах домов, полуразложившиеся шприцы у мусорного бака во дворе, сгнившие трубы в подвале, проблемы с канализацией, просевший фундамент, судебных приставов, периодически пытавшихся прорваться к злостному неплательщику алиментов из квартиры напротив, работающий на последнем издыхании насос, из-за которого на этажах, начиная с третьего, большую часть дня не бывало воды, еще не построенную и не прописанную в генплане автостраду прямо под окнами дома, готовящихся к рождению тройняшек в однокомнатной квартире справа, ремонт с дрелью

и перфоратором в квартире слева, реконструкцию, реновацию, уплотнение, расселение, приватизацию, национализацию, всемирный потоп и конец света. Словом, Федя видел будущее, прошлое и настоящее любой квартиры лучше, чем библейские прогнозы судьбу древнееврейского народа.

Однажды, когда Федино сердце, преисполненное многих мудростей и печалей, почти превратилось в камень, он попал на просмотр в скромную, ничем не примечательную квартиру на самом краю столичной ойкумены, и неожиданно на его глазах появились слезы. Ковер на стене и на полу, длинная стенка, зеркальное трюмо, большая советская энциклопедия за стеклами книжного шкафа на кривых коричневых ножках — Федя толком не мог сказать, какой из этих предметов больше всего напомнил ему о детстве. Он привычно перевел свой взгляд наверх, чтобы проверить состояние потолка, но сразу же наткнулся на аккуратную люстру с пятью пузатыми белыми плафонами, изображающими нераскрытые бутоны на позолоченных металлических цветоножках, — ночной кошмар ботаника и обязательный элемент интерьера в каждом втором доме еще дореформенного Фединога отечества. Пол в туалете был выложен желто-коричневой мелкой плиткой, чугунная ванна выглядела так громоздко, что, казалось, ее отливали прямо здесь, на месте, потому что представить себе подъем такой неуклюжей тяжести на этаж выше первого было труднее, чем постройку египетских пирамид человеческими руками. Вешалка в форме лосиных рогов и обои под кирпич в прихожей почти растопили Федино сердце, и он чуть было не произнес онемевшими от воспоминаний губами заветное «да», но тут что-то серое, грубое и мохнатое вдруг прошмыгнуло на самой периферии его зрения, и он осекся. Хозяин квартиры виновато начал лопотать что-то про кота, отраву, мышеловку, одну из новых услуг Храма, которые могли бы исправить неожиданную неприятность, но Федя уже медленно выходил из подъезда на улицу, и теплый летний ветер размазывал непросохшие ностальгические слезы по Фединому лицу, успевшему вновь обрести жесткость повидавшего жизнь человека.

«Откуда? — вопрошал себя в тот же вечер засыпающий не на своем диване Федя. — Откуда эта дотошность и ответственность? Доколе будут продолжаться эти танталовы муки? Есть ли предел столичному жилфонду? Когда наконец суждено мне успокоиться

и склонить изможденную выбором главу на подушку неарендованной кровати? Или не сдержу я клятвы, данной моему будущему велосипеду?»

В следующий раз он неожиданно наткнулся на арендаторов. Молодая пара буквально за несколько часов до Фединога визита узнала о том, что квартира, в которой они живут, всю продаётся, ее фотографиями забит интернет, и любой желающий может запросто записаться и приехать на просмотр. Феде было неловко. Даже вдвойне неловко. Во-первых, из-за того, что он вот так беспардонно вторгнулся в чью-то чужую жизнь, а во-вторых, из-за того, что ему не предложили, как всегда, пройти, не снимая обувь. Без ботинок, посреди чужой семейной жизни, Федя сразу стал думать о состоянии своих носков. «Заметят ли что-нибудь?» — мучился Федя. «И есть ли что замечать?» — усугубляло мучения его альтер эго. «А не взглянуть ли самому? Опустить голову и посмотреть, хотя бы одно мгновение, что там с ними?» — продолжал мучиться Федя. «Тогда точно заметят», — хохотало эго.

Наконец, взяв себя в руки, он вошел в единственную комнату, стараясь не глядеть на кое-как заправленную кровать с двумя подушками, еще не успевшими избавиться от следов лежавших на них людей, но сразу наткнулся на предмет женского белья, который не сумел идентифицировать, потому что его тут же подобрал сопровождавший Федю молодой человек.

— Ничего, ничего, — едва слышно проговорил Федя и попросил разрешения проверить паркет под круглым паласом.

— Крышу перекрыли недавно, — меланхолично отвечал на вопрос Феде, лихорадочно старавшегося не думать о носках, молодой человек. — Совсем не течет, ни капельки.

— А батареи? — покраснел Федя от причиняемого людям неудобства.

— Греют, — безразлично ответил молодой человек.

— Проводка?

— Имеется.

— На балкон можно? — прошептал не своим голосом Федя и, скорее услышав, чем увидев едва заметный кивок, шагнул в балконную темноту.

Девушка, все это время невозмутимо лепившая пельмени на кухне, оказалась более дружелюбной и своей разговорчивостью

постаралась загладить угрюмую немногословность суженого. Федя стал сыпать вопросами и даже улыбнулся, вдруг поняв, что эта пара находится в таком же парадоксальном положении, что и Бог, которому средневековые острословы подсунили камень. Ну, или почти в таком же: чем лучше они рассказывали про квартиру, тем быстрее укорачивали время своего проживания в ней и приближали день выезда. Чем меньше и хуже они рекламировали достоинства своего съемного жилья, тем большее количество просмотров и большее количество Федь их ожидало. Как ни крути, идиллия подошла к завершению, и не он, Федя, был тому виной. В конце концов, и его в любой момент могла постигнуть такая же участь, и его благословенное лежание на арендованном диване мог внезапно прервать накопивший себе на первый взнос буратино с претензиями на столичную прописку.

В последней квартире, которую Феде показывал козлобородый длинный агент с красными глазами, на полу, прямо посреди комнаты, обнаружился магический круг с кельтскими рунами.

— Жильцы, знаете, бывшие любили почудить, — прокомментировал рисунок козлобородый. — Но это не проблема. Можно легко соскоблить ножичком или даже тряпочкой со спиртом удается оттереть. Круги-то нынче нормальные рисовать разучились.

Федя апатично приблизился к окну, открыл форточку, окинул взглядом заставленный машинами двор с убогой детской площадкой посередине, тронул коленом большую зеленую батарею под подоконником, затем, не обращая внимания на круг, прошел в туалет, привычно и без тени брезгливости открыл крышку унитаза, нажал на кнопку спуска, гипнотически посмотрел на низвергающийся в канализационную пропасть водопад.

— Но можно и оставить, — послышался голос агента где-то за Фединой спиной, — не самая, знаете, бесполезная вещь. В хозяйстве, нет-нет, да и пригодится.

Федя уже откручивал горячую воду на кухне, медленно и даже с некоторой опаской начиная понимать, что никаких дефектов в квартире нет и что все небольшие «против» с лихвой покрываются увесистыми «за». Когда была проверена труба под раковиной, последняя из Фединога чеклиста вещь, оказавшаяся более чем в сносном состоянии, он по-настоящему испугался. Теперь, после стольких неудач, стольких отвергнутых вариантов, вдруг взять

и купить квартиру? И не таскаться после работы неведомо куда, жалея напрасно потраченное время, а приезжать к себе?

— Заведете себе стеклянный шар, — не переставал тараторить агент, — повесите красную портьеру, купите вольтеровское кресло, колоду карт и можно будет предсказывать будущее за деньги. Занятие прибыльное, если к нему правильно подойти...

— Сколько? — оборвал агента внезапно решившийся Федя.

— Так тыщи по две-три, а при умении и десятку за сеанс можно брать. Здесь от умения все зависит, говорю же...

— За квартиру сколько?

— Ах, вы про это? — спохватился агент и, вытянув откуда-то деревянные счеты, начал комично передвигать на них костяшки, шепча про себя какие-то цифры.

Федя нервно стучал ногтями по крышке кухонного стола, ожидая результата подсчетов и раздумывая, не сдать ли ему назад, не вернуться ли к разъездам, таким мучительным и таким привычным. Или отложить до лучших времен? Или вообще продолжить снимать, а не привязывать себя ипотекой к одному месту на...

— Двадцать пять лет? — вдруг спросил, как будто почувствовал Федины терзания, агент.

Федя кивнул.

— Классика, — ухмыльнулся козлобородый и вновь погрузился в подсчеты.

Федя побледнел. Ему на мгновение привиделся родственник продавца, не принявший участия в приватизации и вернувшийся с того света за своей долей, долгое судебное разбирательство и мучительная тоскливая жизнь наедине то ли с Храном, то ли с алчным призраком усопшего родственничка в квартире с неопределенной юридической ориентацией. А потом вдруг еще подумалось, что его так называемого первоначального взноса хватит на роскошную, но в мерках разумного, конечно, полугодовую поездку на Занзибар по местам боевой славы доктора Айболита. И все это без необходимости зарабатывать на жизнь пришиванием отрезанных ног местным обитателям, не умеющим ездить на трамваях. А еще...

— Четыре с половиной, — наконец объявил агент, прервав поток Фединых галлюцинаций.

И тут не Федя, но какое-то другое замученное бесконечными жилищными перспективами существо, жаждущее покоя и соб-

ственности, поспешно выкрикнуло согласие и повлекло Федино тело прочь из квартиры на свежий воздух.

И козлородый агент, стоя у окна и провожая взглядом Федю, направляющегося по мокрой октябрьской дорожке в сторону чего-то железнодорожного, думал о том, как мучительно широк рынок столичной недвижимости и с каким удовольствием он бы его сузил.

* * *

Была середина января, суббота, примерно девять часов утра. Дом, в котором благополучно поселился Федя, завалило снегом. Двери в подъездах открывались с трудом, машины превратились в сугробы, детская площадка почти исчезла. Федя еще спал, не подозревая о ночном миникатаклизме. Федю окружали железобетонные панели, гипсолитовые перегородки, дощатые полы, кафельная плитка, створчатые проемы, царговые двери, обои, краска, центральное отопление, система водоснабжения, канализация, лифты, мусоропроводы — все то, из-за чего он столько хлопотал и суетился и что теперь по всем земным и небесным законам принадлежало ему.

Он уже не был прежним человеком. После того как право собственности на квартиру, проделав извилистый двухнедельный путь по лабиринтам государственного реестра недвижимости, перешло к Феде, его статус, а заодно и его жизнь стали регламентироваться целой кипой выданных на сделке документов. Ближайшие двадцать пять лет Федино существование были втиснуты в растянувшуюся на четыре листа таблицу с единственной, прописанной в каждой строке цифрой, обозначающей размер ежемесячной дани Храму. Федя помнил эту цифру лучше, чем аббат Фариа помнил местонахождение зарытого на безымянном острове клада. Ее необычайная делимость на все однозначные числа отдавала чем-то божественным, так что каждый раз, делая перевод Храму, Федя чувствовал себя священнослужителем, совершающим таинство. Впрочем, иногда он начинал сомневаться в своей способности правообладать жилым помещением, в котором закончилось его долгое блуждание по съемным квартирам. Ему казалось, что

сейчас раздастся стук в дверь, и Хран, принявший вид участкового, консьержки или другой придомовой нечисти, уличит его в самозванстве и профнепригодности. И только засыпая на трофейном диване, который стоял прямо посреди успевшего немного стереться, но не потерявшего своих магических свойств круга, Федя забывался, и ему приходила на ум какая-то другая, далекая и не совсем реальная жизнь, в которой не существовало хмурых пятиэтажных зданий с бесконечным отопительным сезоном, а были только глубокие поля, зеленые ручьи и горячие, опаленные космическими лучами, овраги.

